

ДВА ЧАСА В РЕЗЕРВУАРЕ

Мне скучно, бес...
А. С. Пушкин

I

Я есть антифашист и антифауст.
Их либе жизнь и обожаю хаос.
Их бин хотеть, геноссе официрен,
дем цайт цум Фауст коротко шпацирен.

II

Не подчиняясь польской пропаганде,
он в Кракове грустил о фатерланде,
мечтал о философском диаманте
и сомневался в собственном таланте.
Он поднимал платочки женщин с пола.
Он горячился по вопросам пола.
Играл в команде факультета в поло.

Он изучал картежный катехизис
и познавал картезианства сладость.
Потом полез в артезианский кладезь
эгоцентризма. Боевая хитрость,
которой отличался Клаузевиц,
была ему, должно быть, незнакома,
поскольку фатер был краснодеревец.

Цумбайшпиль, бушевала глаукома,
чума, холера унд туберкулёзен.
Он защищался шварце папиросен.
Его влекли цыгане или мавры.
Потом он был помазан в бакалавры.
Потом снискал лиценциата лавры
и пел студентам: «Кембрий... динозавры...»

Немецкий человек. Немецкий ум.
Тем более, когито эрго сум.
Германия, конечно, юбер аллес.
(В ушах звучит знакомый венский вальс.)
Он с Краковом простился без надрыва
и покатил на дрожках торопливо
за кафедрой и честной кружкой пива.

III

Сверкает в тучах месяц-молодчина.
Огромный фолиант. Над ним — мужчина.
Чернеет меж густых бровей морщина.
В глазах — арабских кружев чертовщина.
В руке дрожит кордовский черный грифель.
В углу его рассматривает в профиль
арабский представитель Меф-ибн-Стофель.

Пылают свечи. Мышь скребет под шкафом.
«Герр доктор, полночь». — «Яволь, шлафен, шлафен».
Две черных пасти произносят: «мяу».
Неслышно с кухни входит идиш фрау.
В руках ее шипит омлет со шпеком.
Герр доктор чертит адрес на конверте:
«Готт штрафе Ингланд, Лондон, Фрэнсис Бэкон».

Приходят и уходят мысли, черти.
Приходят и уходят гости, годы...
Потом не вспомнить платьев, слов, погоды.
Так проходили годы шито-крыто.
Он знал арабский, но не знал санскрита.
И с опозданием, гей, была открыта
им айне кляйне фройляйн Маргарита.

Тогда он написал в Каир депешу,
в которой отказал он черту душу.
Приехал Меф, и он переоделся.
Он в зеркало взглянул и убедился,
что навсегда теперь переродился.
Он взял букет и в будуар девицы
отправился. Унд вени, види, вици.

IV

Их либе ясность. Я. Их либе точность.
Их бин просить не видеть здесь порочность.
Ви намекайт, что он любил цветочниц.
Их понимайт, что дас ист ганце срочность.
Но эта сделка махт дер гроссе минус.
Ди тойчно шпрахе, махт дер гроссе синус:
душа и сердце найн гехапт на вынос.

От человека, аллес, ждать напрасно:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно».

Меж нами дьявол бродит ежечасно
и поминутно этой фразы ждет.
Однако человек, майн либе геррен,
настолько в сильных чувствах неуверен,
что поминутно лжет как сивый мерин,
но, словно Гете, маху не дает.

Унд гроссер дихтер Гете дал описку,
чем весь сюжет подверг а ганце риску.
И Томас Манн сгубил свою подписку,
а шер Гуно смутил свою артистку.
Искусство есть искусство есть искусство...
Но лучше петь в раю, чем врать в концерте.
Ди кунст гехапт потребность в правде чувства.

В конце концов, он мог бояться смерти.
Он точно знал, откуда взялись черти.
Он съел дер дог в Ибн-Сине и в Галене.
Он мог дас вассер осушить в колене.
И возраст мог он указать в полене.
Он знал, куда уходят звезд дороги.

Но доктор Фауст ниц не знал о Боге.

V

Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье — слепота, а чаще — свинство.

Бог смотрит вниз. А люди смотрят вверх.
Однако интерес у всех различен.
Бог органичен. Да. А человек?
А человек, должно быть, ограничен.

У человека есть свой потолок,
держась вообще не слишком твердо.
Но в сердце льстец отыщет уголок,
и жизнь уже видна не дальше черта.

Таков был доктор Фауст. Таковы
Марло и Гете, Томас Манн и масса
певцов, интеллигентов унд, увы,
читателей в среде другого класса.

Один поток сметает их следы,
их колбы — доннерветтер! — мысли, узы...
И дай им Бог успеть спросить: «Куды?» —
и услышать, что вслед им крикнут Музы.

А честный немец сам дер вег цурюк,
не станет ждать, когда его попросят.
Он вальтер достает из теплых брюк
и навсегда уходит в вальтер-клозет.

VI

Фройляйн, скажите: вас ист дас «инкубус»?
Инкубус дас ист айне кляйне глобус.
Нох гроссер дихтер Гете задал ребус.
Унд ивиковы злые журавли,
из веймарского выпорхнув тумана,
ключ выхватили прямо из кармана.
И не спасла нас зоркость Эккермана.
И мы теперь, матрозен, на мели.

Есть истинно духовные задачи.
А мистика есть признак неудачи
в попытке с ними справиться. Иначе,
их бин, не стоит это толковать.
Цумбайшпиль, потолок — преддверье крыши.
Поэмой больше, человеком — нище.
Я вспоминаю Богоматерь в нише,
обильный фриштик, поданный в кровать.

Опять зептембер. Скука. Полнолуние.
В ногах мурлычет серая колдунья.
А под подушку положил колун я...
Сейчас бы шнапсу... это... апгемахт.
Яволь. Зептембер. Портится характер.
Буксует в поле тарахтящий трактор.
Их либе жизнь и «Фелькиш Беобахтер».
Гут нахт, майн либе геррен. Я. Гут нахт.

*8 сентября 1965
Норенская*